

Соколов Анатолий Алексеевич
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Центра ЮВА, Австралии и Океании
ИВ РАН, Россия, Москва,
ansokolov@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5910-9877>

ВЬЕТНАМСКИЕ ОТЦЫ, СОВЕТСКИЕ СЫНОВЬЯ: КОНТЕКСТ МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ СЕМЬИ

Аннотация: В статье рассматривается влияние транснациональных взаимодействий на жизнь и профессиональный выбор четырех россиян из вьетнамско-русских семей – литераторов Алексея Милькова и Эльдара Саттарова, музыканта Вячеслава Ковалева и кинорежиссера Константина Фама-Малкина. Анализируются четыре смешанные семьи, в которых отец – этнический вьетнамец, а мать – местная жительница: русская / татарка / еврейка. Показано, как у детей, выросших в таких межнациональных семьях, под влиянием различных факторов и обстоятельств формируется отношение к этничности – своему вьетнамскому происхождению, осуществляется карьерный выбор.

Ключевые слова: Вьетнам, Советский Союз, межнациональная семья, политэмигранты, идентичность, этносоциализация, творчество, профессиональная карьера

Для цитирования: Соколов А.А. Вьетнамские отцы, советские сыновья: контекст межнациональной семьи // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2021, Том I, № 1 (50). С. 243–261. DOI:10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-243-261

Vietnamese fathers, Soviet sons: the context of the interethnic family

Abstract: The article examines the impact of transnational interactions on the lives and professional choices of four Russians from Vietnamese-Russian families – writers Alexey Milkov and Eldar Sattarov, musician

Vyacheslav Kovalev and film director Konstantin Fham-Malkin. The author analyzes four mixed families, in which the father is an ethnic Vietnamese, and the mother is a local resident: Russian / Tatar / Jewish. It is shown how children who grew up in such interethnic families, under the influence of various factors and circumstances, form an attitude to ethnicity – their Vietnamese origin, and make career choices.

Keywords: *Vietnam, Soviet Union, interethnic family, political emigrants, creativity, identity, ethnosocialization, professional career*

Anatoly A. Sokolov, PhD in Philology, Senior Researcher at the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania Studies, IOS RAS, Russia, Moscow, ansokolov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5910-9877>

For citation: Sokolov A.A. Vietnamese fathers, Soviet sons: the context of the interethnic family. *Yugo-Vostochnaya Aziya: aktual'nyye problemy razvitiya*, 2021, T. I, № 1 (50). Pp. 243–261. DOI:10.31696/2072-8271-2021-1-1-50-243-261

Межнациональные (межэтнические) браки существуют давно, их результатом является смешение рас, культур и традиций разных народов. Такие смешанные семьи нередко создаются в особых обстоятельствах – в эмиграции, во время длительной учебы за границей и т.д. Они имеют свои особенности, которые определяются такими факторами, как традиции, религия, язык, ментальность, отдаленность от родственников.

* * *

В середине 1920-х годов из далекого Индокитая, тогда французской колонии, в Советскую Россию начинают приезжать вьетнамцы на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ). Тогда же появляются и первые вьетнамско-русские семьи. Можно говорить, по меньшей мере, о трех вьетнамцах, создавших семьи с местными женщинами. Достоверно известно о Нгуен Кхань Тоане¹, который в своих анкетах и других документах в графе «Семейное положение» как свою жену указывал Тамару Мелитоновну Чхаидзе, врача московского роддома. По некоторым данным, советские жены были и у других вьетнамских студентов КУТВ – Нгуен Ван Чана и Буй Ван Бона². Причем, неизвестно, оформлялись эти браки официально или нет, так как, согласно действовавшим тогда в СССР законам, простое сожительство или так называемый гражданский брак был приравнен к законному браку³.

Просуществовали эти семьи лишь в период пребывания вьетнамских мужей в Советском Союзе.

Ниже рассмотрены четыре смешанные семьи, в которых отец – вьетнамец, а мать – русская / татарка / еврейка. Их сыновей, родившихся в СССР, объединяет то обстоятельство, что они выбрали творческие профессии.

Репрессированный

Ещё одна история такой межнациональной семьи связана с вьетнамским студентом Данг Динь Цыком, учившимся в КУТВ под именем Лео⁴. Его судьба во многом была трагической: он стал первым вьетнамским политзаключенным в Советском Союзе. Родился в 1904 г. в Индокитае, в бедной крестьянской семье и с детских лет зарабатывал на жизнь тяжелым трудом на плантациях, возил уголь в салазках по штрекам в шахте. В 1923 г. из колонии нелегально приехал в Марсель и нанялся матросом на французские торговые судна. Тогда же начал участвовать в политической деятельности вьетнамских эмигрантов во Франции, в 1932 г. вступил во Французскую компартию и по её направлению приехал на учебу в Москву. После прошедших в университете проверок в апреле 1934 г. был арестован⁵ и провел два месяца в тюрьме, затем был сослан в Вологду на трудовое перевоспитание – пас коров. В 1936 г. он решил уехать во Францию, из Вологды добрался до Москвы, а затем до Минска, где его сняли с поезда. Он был осужден по 58-й статье за шпионаж и отправлен в Ухтинско-Печерский лагерь (Республика Коми). Как и большинство заключенных, он работал на лесоповалах. Позднее дисциплинированный и никого не критикующий вьетнамец был переведен на другую, менее тяжелую работу, что позволило ему выжить в суровое время. В декабре 1946 г. был освобожден, в 1955 г. – реабилитирован как незаконно осужденный и в 1972 г. – реабилитирован полностью.

Лео Дан (так писалось в советских документах) остался жить в городе Ухте и до середины 1960-х годов работал поваром, затем вышел на пенсию⁶. В 1964 г. получил благоустроенную двухкомнатную квартиру в доме хрущевской постройки, в то время когда многие ещё жили в бараках. Он пользовался большим авторитетом в городе, у него было много друзей среди китайцев, корейцев, русских. От двух русских браков с Зайцевой Евдокией Константиновной и Мильковой Раисой Степановной имел двух сыновей – Алексея и Николая.

*Лео Дан и Раиса Степановна Милькова
и сыновьями
(Фото из архива А. Милькова)*

Он неоднократно собирался поехать во Вьетнам, последняя попытка была им предпринята в 1984 г., но получил отказ из-за преклонного возраста по медицинским соображениям⁷. Как рассказывали родственники Лео, ему не просто было уехать на родину: «Во-первых, он разрывался между Вьетнамом и Францией. Во-вторых,

он так прижился в СССР и пустил корни, что стал считать его своей второй родиной ... он не тяготился СССР, не ожесточился на него, у него даже не было мыслей уехать на родину, тем более он привык к Северу и плохо переносил жару»⁸. Умер Лео Дан в 2000 г. На его могиле в Ухте на кладбище Шудаяг стоит памятник с надписью: «Коминтерновец из Вьетнама».

Его старший сын – **Алексей Леонтиевич Мильков** – родился 28 февраля 1946 г. Окончил Ухтинский индустриальный институт, внедрил новую буровую технику в нефтегазоразведочных экспедициях на Крайнем Севере. С 2004 г. живет в городе Троицке Московской области.

С детства он любил читать, стал профессиональным литератором. Свой первый рассказ написал, будучи студентом. Это была литературная импровизация, написанная в жанре научной фантастики. А серьезно увлекся литературой в зрелом возрасте: «Мне было 40 лет, когда в командировках в промежутках между гостиницами и полетами на вертолетах по буровым часто приходилось ждать в условиях нелетной погоды. Вот и пришла мысль не записывать дневники, а что-то придумывать лите-

*Алексей Мильков
(Фото из архива
А. Милькова)*

ратурное. В то время я зачитывался фантастикой и дебютировал в 1997 г. в журнале «Ухта литературная». Вместе с поэтом И.Н. Терновским он составил антологии «Золотая Поэзия Республики Коми».

А.Л. Мильков – автор научно-фантастических книг «Русский Робинзон», «Амазонки 28-го века», «14 тигров и 6 шакалов», исследования «Как, вы ещё не полюбили пародию!», а также нескольких киносценариев. Его произведения включены в сборники прозы и поэзии «Все тексты только о любви», в сборники «Эклеры», «Русская история ужасов», «Аист», «Помним», «Great Ideas of Russian writers», «Лучшее от современников» (серия «Классики и современники»). В настоящее время – редактор журнала «Троицк литературный».

С родной матерью Евдокией Константиновной Зайцевой, заключенной ГУЛАГ, он был разлучен сразу после рождения, два года провел в Доме малютки и только потом был передан отцу. Следы матери затерялись после её перевода в другие места для дальнейшего отбытия наказания. Так как его отец и мать были заключенными в системе ГУЛАГ, в подведомственных медучреждениях которого он родился и некоторое время воспитывался, то имеет льготу по статье «репрессированный». Его воспитывала вторая супруга отца Милькова Раиса Степановна.

О проблемах национальной самоидентификации и отношении к своему вьетнамскому происхождению А.Л. Мильков рассказывал так: «Обо мне мало кто скажет, что я похож на вьетнамцев, не говоря уже о светлых внуках... Меня никогда не ассоциировали с вьетнамцами, а мои дети вообще были в детстве блондинами. Я и мои дети – пишемся русскими».

Тем не менее, с национальным вопросом он столкнулся ещё в детстве: «Когда я пошел в школу в 1954 году, я был Дан Леонид Львович. А сейчас, что забавно, трансформировался в Милькова Алексея Леонтьевича. Поменял полностью ФИО. Принять мимирию заставила жизнь и национальный вопрос. Отец у меня чистый вьетнамец... Мать – чистая русская из Орловской области. Родители пересеклись, будучи репрессированными в Ухтпечлаге, и я тогда же появился на свет, хотя они находились в разных ОЛП-ах (отдельный лагерьный пункт). Скажу сразу, я не пострадавший от национального вопроса, а был невольный объект восхищения, что мне очень не нравилось. Мне дети присвоили кличку “китаец”, вкладывая в это слово только хорошее. В то время была сильна

дружба между СССР и Китаем. Песня “Москва – Пекин” была самая популярная по радио. Но мне от этого было не легче. Чтобы не выглядеть белой вороной, я поменял фамилию Дан на Мильков – фамилию моей приемной матери. Так в пятом классе появился вполне новый русский человек. Факт остаётся фактом: отказался от фамилии отца. Предал? По сути, да. Я об этом в силу возраста не задумывался. Заодно я отделался от не нравившегося мне имени Леонид. Не хотелось быть Лёней, а хотелось быть Алешей. Я просто стал писаться Алексеем.

С тех пор никто больше не интересовался моей национальностью. До тех пор, пока я в 1968 году не поступил работать в УТГУ (Ухтинское территориальное геологическое управление). Геологов очень заинтересовало моё отчество Львович. Стали указывать, что Львович – еврейское отчество, а тогда, честно признаться, антисемитизм не совсем, но широко шагал по стране. Вопросы любопытных, не еврей ли я, преследовали меня всюду. Что затрудняло мне жизнь. Моего отца на русский манер звали Лева, а партийная его кличка была Лео, и в паспорте он писался именем Лео. Быть в какой-то мере “евреем” мне не хотелось. По случаю происходил обмен паспортов нового образца, и я переписался на Леонтьевича. Что интересно, при переделке ФИО, я не обращался с ходатайствами. Как написал в анкете, такой и выдали паспорт.

В Ухте проживало много китайцев и корейцев, ходили друг к другу в гости. Была бесконфликтная дружба. Детям не было разницы, китаец ты или кореец. О Вьетнаме никто понятия не имел, даже взрослые. Чувствовал ли я себя вьетнамцем? Наверяд ли».

Вьетнам не стал частью жизни Алексея и Николая Мильковых, так как их вьетнамский отец, видимо, мало стремился к этому. «Он не забыл родной язык, и когда в 1975 г. в Ухту приехал стройотряд из вьетнамских студентов, он их пригласил в гости и с ними бегло общался. Отец удовлетворялся бытовым русским языком, любил смотреть телевизор, выписывал две газеты, в их числе «Нян зан», а также иллюстрированный журнал «Вьетнам» на русском языке.

Он понимал, что учить нас вьетнамскому языку бесполезно, не имея языковой среды и учебников, да и не умел. Мне вьетнамские студенты подарили вьетнамско-русский словарь. Я много выписывал по разделам: животные, числа, родственники и т.д. И сейчас сохранились эти записи. Но дальше дело не пошло».

В 1982 г. А.Л. Мильков вместе со своей супругой побывал в туристической поездке во Вьетнаме, когда страна только начала открываться для иностранцев. Со временем там даже нашлись родственники Лео, которые приезжали к Мильковым в Троицк. Но дальнейшего развития эти родственные связи не получили. По сути, Вьетнам оказался не реализованным жизненным и творческим проектом для А.Л. Милькова, который, кроме единственного биографического очерка, не зафиксировал азиатскую этничность в своих литературных произведениях.

В те годы в нашей стране семья Дан-Мильковых была единственным примером межнационального брака с вьетнамским участием. Таких браков местных граждан с иностранцами в послевоенном СССР было крайне мало. Более того, 15 февраля 1947 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами». Причем было решено считать недействительными уже заключенные браки. Постепенно запреты на интернациональные браки смягчались и были отменены после распада СССР.

Долгое время интернациональные браки не поощрялись и в социалистическом Вьетнаме. Поэтому такие немногочисленные браки заключались преимущественно в Советском Союзе, когда вьетнамские мужчины женились на местных советских женщинах, а потом семья уезжала на жительство во Вьетнам. Например, это известные ученые-лингвисты Нгуен Тай Кан и Нонна Владимировна Станкевич, познакомившиеся на Восточном факультете Ленинградского государственного университета, долгое время жили и работали в ДРВ. Во Вьетнаме местные власти к таким семьям относились лояльно и даже оказывали поддержку и помощь в бытовой жизни. Конечно, были и иные примеры, исключения, как, например, семейный союз, заключенный в 1971 г. московским ученым-математиком, академиком Виктором Павловичем Масловым и Ле Ву Ань, дочерью генерального секретаря Компартии Вьетнама Ле Зуана. Эта сановная семья осталась жить в Москве.

После распада Советского Союза в 1991 г. отношение властей в обеих странах к бракам своих граждан с иностранцами существенно изменилось, особенно во Вьетнаме, который даже их стимулирует.

Политэмигранты

В середине 1960-х гг. в СССР появилось новое явление – браки вьетнамских политэмигрантов с местными женщинами. Это происходило в условиях усложнившихся взаимоотношений между советской и вьетнамской компартиями. Невозвращенцами становились находившиеся в нашей стране на учебе партийные работники, военные, студенты из ДРВ. Они были не согласны с политикой своих властей и попросили политического убежища в СССР. Среди них – два известных представителя вьетнамской политической элиты. Это крупный партийный функционер Нгуен Минь Кан, ранее заместитель председателя Ханойского горсовета, главный редактор столичной газеты «*Thủ đô Hà Nội*». В Советском Союзе он был известен как Константин Михайлович Аликанов, работал переводчиком в московских издательствах, подготовил целый ряд словарей. Другой вьетнамский политэмигрант Ле Винь Куок, бывший генерал Вьетнамской Народной армии, до конца жизни работал в Ташкентском университете, был профессором на Кафедре восточной литературы. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации по вьетнамской поэзии XX века.

Ещё один вьетнамский политэмигрант – Нгуен Нгок Тхань, в нашей стране обрел новое имя – Тхань Иванович Саттаров. Он родился в 1938 г. в семье сайгонского адвоката. До 1951 г. учился во французской школе, в которой окончил 6 классов⁹. Принимал непосредственное участие в войне Сопротивления против французских колонизаторов как боец 358-го батальона. В 1954 г. в соответствии с решениями Женевских соглашений вместе с войсками ДРВ переехал на Север страны, где в качестве работника налогового комитета принимал участие в восстановлении и развитии ДРВ. В 1956 г. был направлен на учебу в Школу рабоче-крестьянской подготовки в Ханое, которую окончил в 1960 г. Позже уехал на учебу в СССР – в Московский институт народного хозяйства им. Г.В. Плеханова (МИНХ). В 1964 г. из-за несогласия с тогдашней политикой Партии трудящихся Вьетнама обратился в Верховный Совет СССР с просьбой оставить на проживание в Советском Союзе. Был направлен в Алма-Ату и стал там работать в системе легкой промышленности Казахской ССР. Создал семью, его жена – татарка, имеет двух сыновей. Получил советское гражданство, вступил в ряды КПСС. В 1973 г. защитил кандидатскую диссертацию в МИНХ.

Его сын **Эльдар Саттаров**¹⁰ (родился 26 апреля 1973 г.) – известный современный казахстанский писатель, журналист и переводчик. В молодости пел в панк-группах, работал статистом на киностудии «Казахфильм», трудился в сельском хозяйстве и на фабрике. Потом стал работать в СМИ как журналист и редактор. Благодаря знанию английского, французского, испанского и итальянского языков подготовил к изданию книги по авангардному искусству, альтернативному образованию и философии.

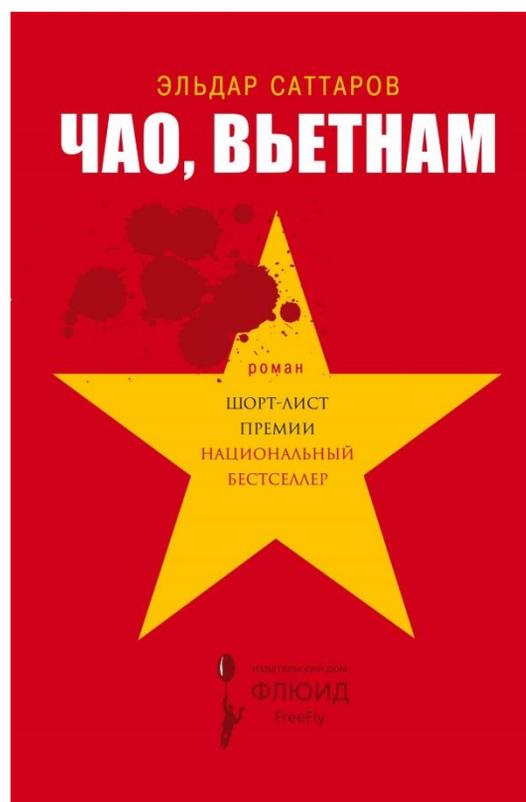

Эльдар Саттаров

В 2010 г. состоялся его литературный дебют: в Алма-Ате вышел роман «Теряя наши улицы», изданный под псевдонимом Альберт Спяццатов и получивший положительные отклики критиков и читателей. В нем описываются события 1980-х и последующих годов, происходившие в Алма-Ате (мир подростковых банд и зарождение местного панк-рока), начинающийся распад СССР, эмиграция, борьба с наркотической зависимостью и духовное очищение ге-

роя благодаря усилиям сознательной воли. В определенной степени можно считать эту книгу автобиографической, судя по совпадению многих фактов из жизни автора.

Второй роман Эльдара Саттарова «Транзит Сайгон-Алматы», опубликованный в 2015 г., вышел в финал литературной премии «Национальный бестселлер-2016» и занял второе призовое место. Он стал первым гражданином Казахстана, представленным в этой престижной российской премии и был назван открытием года. В 2018 г. книга вышла в новой редакции под названием «Чао, Вьетнам».

В романе рассказана история взросления вьетнамского мальчика, родившегося накануне Второй мировой войны в Сайгоне времен французского колониального владычества в Индокитае. Он оказался вовлечен во многие трагические и героические события, происходившие затем на его родной земле. Хронологически повествование охватывает период Первой и Второй Индокитайских войн и во многом связано с биографией отца Эльдара Саттарова. Сам он признался, что фактический материал для своей книги черпал из рассказов отца, научной и справочной литературы, а также из Интернета¹¹.

Санкт-петербургский литературный критик Вадим Левенталь отнес книгу «Чао, Вьетнам» к жанру *докуфикшн*. Это понятие пришло из кино и предполагает воспроизведение реальных исторических событий с реальными персонажами, но с фантастическими допущениями. Герои этой книги Эльдара Саттарова – известные вьетнамские политические деятели и военачальники, они показаны в условиях альтернативной истории, когда конкретные события не искажаются, но детали обретают ирреальный оттенок.

В 2021 г. вышла новая книга Эльдара Саттарова – документальный роман «Нить времен», который посвящен истории левого движения в Европе XX века. Среди персонажей романа революционеры, философы, политические деятели – Антонио Грамши, Амадео Бордига, Жак Каматт, Ги Дебор и другие западные интеллектуалы XX века. По замыслу автора, «документальный фон романа был создан, чтобы обосновать возможность анализа актуальной политической повестки и программу действий революционной партии, в которой состоят главные герои».

Как рассказывал Эльдар Саттаров, Вьетнам присутствовал в его жизни, но не постоянно и не активно. Вместе с братом начал учить вьетнамский язык по учебнику Института международных отношений, но они смогли освоить только счет и на этом закончили.

Вместе с отцом он дважды приезжал во Вьетнам – в 1992 и 2012 годах. Побывали только на Юге страны, там Тхань Иванович Саттаров встретился со своей матерью, которая вначале не узнала его после 30-летней разлуки.

В семье Саттаровых выписывали газету «Нян зан» – печатный орган вьетнамских коммунистов, и через опубликованные в ней фотографии у маленького Эльдара в памяти глубоко запечатлелись образы жестокой войны во Вьетнаме, прежде всего фотографии

жертв химического оружия: «Конечно, все образы физического насилия из советских СМИ воспринимались болезненно – преступления нацистов, контраст, апартеида, южноамериканских хунт и т.п. Но фото из «Нян зан» воспринимались более персонально, и это восприятие где-то глубоко внутри сохранилось... Это чувство боли и протеста против самой возможности подобного обращения человека с человеком, но также гордость за то, что вьетнамцы в итоге их победили. В 1992-м я видел жертв «агента оранж»¹² вживую в районе рынка Бентхань [в городе Хошимине]. Во время второго визита, в 2012-м власти уже «расчистили» центр города от нищих и калек. Насколько я понимаю, они были переселены...»¹³.

Свою жизнь Эльдар Саттаров уверенно связывает с литературным творчеством. Хочет больше времени проводить в России, недавно приобрел квартиру в Казани – город ему очень понравился. Возможно, на выбор местожительства прямо или косвенно повлиял тот факт, что его мать – татарка.

Музыкант **Вячеслав Анукович Ковалев** родился 26 сентября 1965 г. в Ленинграде в смешанной вьетнамско-русской семье¹⁴. Его отец Нгуен Кыонг¹⁵ – выходец из Южного Вьетнама, из небольшой деревни, расположенной рядом с приморским городом Нячангом. Приехал в СССР на учебу в начале 1960-х годов. Первое время учился в Одессе, затем был переведен в Ленинградское высшее военно-морское училище имени адмирала С.О. Макарова. По

08 ЯНВАРЯ
ВОСКРЕСЕНЬЕ 15:30

год 2017

**ВЯЧЕСЛАВ
КОВАЛЕВ**

12+

2-й концерт
проекта

**ПЕСНИ
ВМЕСТЕ**

Удивительно теплая, душевная обстановка с участием ВСЕХ!
Классика авторской песни, знаменитые произведения из кинофильмов...

политическим причинам отказался возвращаться во Вьетнам и остался в СССР. После окончания училища жил в Ленинграде, работал в инженерно-конструкторском бюро. Умер несколько лет назад.

Вячеслав Ковалев закончил Ленинградский институт точной механики и оптики, работал на Ленинградском электромеханическом заводе, служил в армии, был сотрудником «Интури-

ста». Когда учился в девятом классе, двоюродная бабушка подарила ему гитару, и с тех пор музыка стала его жизненным выбором и определила профессиональную деятельность.

Сегодня Вячеслав Ковалев не только известный бард и композитор, но и двукратный лауреат крупнейшего фестиваля авторской песни им. В. Грушина (1990, 2005) и член его жюри, член Оргкомитета Международного фестиваля авторской песни «Петербургский аккорд», член Союза концертных деятелей России. Он много гастролирует, участник престижных сборных бардовских концертов.

С конца 1980-х гг. пишет песни на свои стихи и стихи разных авторов, выпускает пластинки, компакт-диски и аудиокассеты. Наиболее известны такие его песни: «Вероника», «Другу-туристу», «Катерок», «Я скучаю по тебе», «Крымский полуостров», «Время лечит». Как отмечали музыкальные критики, «песни Владимира Ковалёва обладают яркой мелодикой, они ритмичны, иногда даже "по-рокерски" напористы, но сохраняют главное для жанра – искренность, чёткую гражданскую позицию и уважительное отношение к русскому языку».

Со второй половины 1990-х гг. Вячеслав Ковалев начал серьезно заниматься студийной и концертной звукорежиссурой. Он лично отработал за пультом множество концертов, записал более десятка альбомов для других исполнителей. С 2005 г. является одним из руководителей и главным идеологом компании «Арт-Процесс», которая занимается организацией концертов, фестивалей, гастролей и т.д. В настоящее время творческая и организаторская деятельность Вячеслава Ковалева сосредоточена в концертном клубе Sound-Cafe «LADЫ», ставшим сегодня новой музыкальной достопримечательностью Санкт-Петербурга.

Вьетнам не вошел в жизнь Вячеслава Ковалева и никак не связан с его творческой деятельностью, может быть, потому что отец сознательно убрал из жизни сына вьетнамскую этничность и всё, что было с ней связано, не учил вьетнамскому языку, не хотел, чтобы сын выделялся среди своих советских сверстников.

Самый титулованный из представленных в данной статье сыновей вьетнамских политэмигрантов – кинорежиссер, продюсер и сценарист **Константин Фам** (он же Константин Фам–Малкин, Kosta Fam)¹⁶. Из всех четырех респондентов он самый интересный и самый сложный пример влияния транснациональных взаимодействий на жизнь и профессиональный выбор конкретного человека.

*Родители Константина Фама
Светлана Наумовна Малкина и
Нгуен Конг Так*

Константин Фам родился 13 июля 1972 г. в посёлке Первомайский Харьковской области Украинской ССР. Его отец — вьетнамец Нгуен Конг Так, более 10 лет провёл в партизанских отрядах во время войны Сопротивления против французских колонизаторов. По решению правительства был направлен на учёбу в Советский Союз, получил специальность инженера-строителя. «Во время учёбы

[в Советском Союзе]... был призван в регулярную армию Северного Вьетнама, для ведения боевых действий в начавшейся войне [против американской агрессии]. ...воспринял данную просьбу как неуважение к своим прежним заслугам и был вынужден просить у СССР политического убежища». Он не принял советское гражданство, и из Москвы был направлен в закрытый городок, где был химзавод, где люди работали на вредном производстве, было много бывших заключенных. В Харькове он познакомился с Малкиной Светланой Наумовной, которая стала его женой. Она была из еврейской семьи, и многие её родственники погибли во время Великой Отечественной войны. Личные истории родителей во многом повлияли на формирование характера и творческого мировоззрения Константина.

В 15 лет он поступил в Днепропетровское театральное училище на отделение театра кукол, после окончания которого переехал в Тбилиси, где некоторое время работал в театре, затем отправился в Чернигов, и там был принят в театр в качестве актёра. В 1993 г. переехал в Москву, начал работать на телевизионных проектах. В 1997 г. поступил на сценарное отделение ВГИК на курс Валентина Ежова. С 1998 г. — сценарист детского юмористического киножурнала «Ералаш».

Начиная с 2001 г. активно занимался кинобизнесом, с 2008 г. работал на телевидении режиссером различных шоу-программ. В 2011 г. поступил в Нью-Йоркскую академию киноискусства, снял короткометражный фильм «Ёжик» по рассказу Григория Горина.

Картина получила Гран-при кинофестиваля в Сан-Паулу в Бразилии.

Как режиссер он получил известность, сняв киноальманах – полнометражный художественный фильм «Свидетели» (2018), посвященный памяти жертв Холокоста. Это три короткометражные новеллы – «Туфельки» (2012), «Брут» (2016) и «Скрипка» (2017), объединённые общей концепцией – показать историю Холокоста глазами её невольных свидетелей: пары обуви, маленького щенка, скрипки. Они были показаны на многих международных кинофестивалях и удостоены престижных наград. В своем втором полнометражном фильме «Кадиш» (2019) режиссер вновь обратился к теме Холокоста и посвятил картину памяти своей матери, чтобы «напомнить молодому поколению о случившейся трагедии с целью её предотвращения в будущем».

Жизненная история Константина Фама представлена в двух национальных ощущениях: отец – вьетнамец, азиат, а мать – еврейка: «Свое “еврейство” так же, как и “вьетнамство”, я получил от мамы с папой с самого рождения и знал об этом всегда». Светлана Наумовна Малкина оказала определяющее влияние на судьбу сына, причем до такой степени, что он принял иудаизм: «Наша история с мамой это не просто любовь матери и ребенка. Это нечто большее. Её мнение для меня всегда было самым важным».

Вот как он сам рассказывает о своем долге и непростом пути к такому решению: «Наверно, еще в детстве с пониманием, что “ты не такой”. У меня интересный микс: еврейская кровь по маминей линии, а по папиной – вьетнамская. Но ребенок не понимает,

какой он породы – об этом его заставляют задуматься обстоятельства. Примерно в 1-2 классе школы я понял, что я другой. Сначала говорят что-то о тебе: о цвете волос, внешности, чертах лица... А потом уже о твоих родителях. И с этими вопросами ты непременно приходишь к маме с папой. Когда ты находишься в большом городе, то там твои «отличия» растворяются и не бросаются в глаза,

но в маленьком поселке все происходит по-другому. И у меня это внутреннее ощущение обостренное, потому что я с детства не мог понять «кто же я такой?». И вот задавая дома вопросы, я узнавал о том, что мой папа был рождён, как Фам Конг Так и он вьетнамец, а мама, Малкина Светлана Наумовна, – еврейка, и что вообще есть такие нации, подвиды и какие-то различия между народами».

«Я вырос и формировался на стыке культур во времена Советского Союза и его распада. Мама и папа из разных культур, что влекло постоянные столкновения на кухне и за ее пределами, в быту, во взглядах на жизнь, в песнях... В одной отдельно взятой семье были переплетены советские, еврейские и вьетнамские стереотипы поведения. Жуткий коктейль! Конечно, с негативной точки зрения, было место и национализму – я рос в непростое время. Дети бывают жестокими, и часто это давало повод для моих личных обид. Наверное, именно поэтому я острее и чувствую тему Холокоста».

«... у меня в первом паспорте на украинском было написано: «в'єтнамець». И я говорил маме, что не хочу этого, просил взять ее фамилию, а она говорит, что папа обидится: «Как мы можем обидеть папу?». Мы варились в собственном соку. Когда ты выходишь из дома с папой, а ребята кричат на улице, что он «узкоглазый», или когда тебе говорят, что у тебя мать «жидовка», это все формирует какие-то обиды. Видимо, поднакопилось. Нас всех формируют детские комплексы. Я хотел выговориться. Мне всегда было интересно, почему за цвет кожи или за религию людей можно ущемлять или убивать, так же нельзя».

Глубокое еврейское самосознание пришло к нему во время посещения мемориала концлагеря Освенцим в 2008 г. И тогда он «решил, что должен во что бы то ни стало что-то изменить в своей жизни, сделать что-то, чтобы люди узнали об этой трагедии – трагедии всего еврейского народа, трагедии моих родственников и моей личной трагедии». Для Константина Фама «война и геноцид – семейная тема», которая воплотилась в его фильмах. Свое творчество, снятые картины он рассматривает как человеческий долг, как возможность почтить память своей семьи: «У нас нет могил, куда мы можем прийти... Но у меня есть возможность снимать кино... – посвящение моей семье, моему народу».

Но Вьетнам не исчез полностью из жизни Константина Фама, у него есть намерение снять фильм, связанный с этой страной. За основу он хочет взять историю создания Романом Кармена документальной картины «Вьетнам» (1955) и сделать кинематографиче-

скую переключку с известными зарубежными антивоенными кино-работами – «Взвод Андерсона», «Апокалипсис сегодня» и др.

Символический Вьетнам

Культурная этносоциализация детей вьетнамских мигрантов из смешанных семей в отечественном востоковедении практически не рассматривалась. Собранная информация – интервью и публикации в СМИ – дает возможность поставить такую проблему и сделать некоторые предварительные выводы.

На сегодняшний день есть только две статьи молодой исследовательницы из Санкт-Петербурга Анны Шоной Тузовой о том, где хотят жить после достижения совершеннолетия и получения высшего образования в России дети из современных вьетнамско-русских семей¹⁷. Она сама представляет именно такую семью, её отец – этнический вьетнамец, а мама – русская. Эту проблему А.Ш. Тузова знает, как говорится, «изнутри», но рассматривает в сугубо локальном и конкретном контексте: уедут ли эти метисные дети на историческую родину или продолжат аккультурацию в России.

Уклад жизни межнациональной семьи практически имеет те же особенности, что и уклад обычной российской семьи. Основное отличие заключается в содержании нравственно-психологической атмосферы, отражающей интеграцию национальных традиций, межличностных отношений между родителями и детьми и т.п. На внутрисемейные взаимоотношения оказывают довольно сильное влияние национально-психологические особенности каждого из супругов; темперамент, черты характера, привычки и т.д. И важно подчеркнуть: «микроокружение такой семьи определяется характером поддержания связей каждого из супругов со своей национальностью»¹⁸.

В рассмотренных четырех историях роль отца и его этничности в воспитании сыновей практически отсутствует или минимальна. Возможно, это связано с тем, что в то историческое время, в силу конкретных политических обстоятельств у них не было возможности поддерживать связи со своей исторической родиной, не было перспективы когда-то туда вернуться. Из-за своего положения политэмигрантов они фактически были лишены общения с другими вьетнамцами, находившимися в то время в Советском Союзе. Поэтому Вьетнам был если не запретной, то мало обсуждаемой темой и для отцов-вьетнамцев, и для их сыновей. Можно даже говорить,

что в таких браках часто происходит потеря (частичная или полная) национальной идентичности, родного языка и забывается собственный менталитет.

В этой связи возрастает роль матери в этнической социализации ребенка и его этнокультурном воспитании. Первый человек, с которым ребёнок вступает общение, – это мать. Отец на работе и большую часть времени отсутствует, и все домашние дела лежат на матери, включая детей. Ребенок слышит её речь, язык, узнаёт других членов семьи, познаёт окружающий его мир. Конечно, мать с ним постоянно говорит по-русски и через неё он впитывает местную русскую культуру. Он усваивает определённые нормы поведения, даёт оценку окружающему миру и самому себе. И в результате: окружающая среда – русская, и сильная русская культура. На примере Константина Фама особенно наглядно проявилась роль матери в его личностном формировании и выборе жизненной позиции.

И ещё одна проблема – это *инаковость*, ощущаемая чаще всего на национальном уровне. Многочисленные исследования отмечают как доминирующую тенденцию нежелание быть «чужими / другими» для окружающего общества у детей из смешанных семей, обычно из семей мигрантов. Они не хотят сохранять свою этническую самоидентификацию: говорить на родном языке, придерживаться своих культурных традиций. Они пытаются дистанцироваться от своих соплеменников и стать полностью местными. И этому во многом способствуют и окружающая среда, и школа, и сами родители.

Несмотря на то, что в советском обществе воспитание велось в духе интернационализма, братства и дружбы народов, были и проявления национальной нетерпимости. И преодолеть такую немотивированную враждебность часто помогал уход в творчество – занятие литературой, музыкой, изобразительным искусством. Возможно, именно художественное творчество становилось для таких «инаковых» детей из вьетнамско-советских семей реальным способом самоидентификации и самоутверждения.

Рассмотренные жизненные истории четырех вьетнамско-советских семей показали, насколько может быть разным и сложным процесс транснациональных взаимодействий и как он влияет на формирование отношения у детей, родившихся в этих семьях, к своей этничности. В итоге в них утверждалась советская граждан-

ская идентичность, а историческая родина их отцов – далекий Вьетнам был символическим образом.

¹ В годы учебы в КУТВ он был известен под так называемым школьным псевдонимом Минин. Подробнее см.: Глава 11. Московские годы индокитайца Минина (материалы к биографии Нгуен Кхань Тоана) / Многоликая элита Востока, Том 1 (Коллективная монография) / отв. ред. – Е.М. Астафьева. 484 с. ISBN 978-5-89282-958-8, 19,5 а.л. С. 425-459.

² В годы учебы в КУТВ они были известны под так называемыми школьными псевдонимами Пригорный и Барский.

³ Такое положение существовало до 1944 г.

⁴ В советских документах – Лео Дан. Сведения о его биографии взяты из документов Российского государственного архива социально-политической истории и личных интервью с его сыном А.Л. Мильковым, проведенных в период 1996–2021 гг.

⁵ Причина ареста, по словам самого Лео, была в потере каких-то важных документов; по другой версии, при обыске в общежитии у него были найдены какие-то подозрительные бумаги. Возможно, из-за плохого знания французского и русского языков (Лео был малообразованным человеком), он не смог дать нужных ответов тем людям, которые его проверяли и которые тоже могли плохо знать французский язык. Этого было достаточно для начавшейся тогда кампании чисток и проверок, проходивших в атмосфере всеобщей подозрительности.

⁶ Более подробно жизнь своей семьи в г. Ухте А.Л. Мильков описал в своем очерке «Об отце-вьетнамце, матери-русской и ГУЛАГе» // <https://proza.ru/2011/01/29/263>.

⁷ По словам родственников Лео, он предпринимал несколько попыток вернуться во Вьетнам, но получал отказ. В мемуарах известного вьетнамского писателя То Хоая описан эпизод встречи с Лео в посольстве ДРВ в Москве в 1958 г., когда тот подавал документы на поездку во Вьетнам. См.: Tô Hoàì. Cát bụi chân ai. Nội ký. Hà Nội, 1995, trang 183-184.

⁸ Здесь и далее цитаты из публикаций в СМИ и ответов респондентов даются в кавычках.

⁹ Биографические данные взяты из личного письма Т.И. Саттарова, 29 января 2019 г.

¹⁰ Интервью с Эльдаром Саттаровым, 19 января 2019 г.

¹¹ Интервью с Эльдаром Саттаровым, 19 января 2019 г.

¹² Агент «оранж» («эйджент орандж») — сильнодействующий дефолиант. Применялся Вооружёнными силами США в годы войны во Вьетнаме, вызвал серьезные проблемы со здоровьем у многих людей, подвергшихся его воздействию.

¹³ Личное письмо Эльдара Саттарова, 16 января 2019 г.

¹⁴ Интервью с Вячеславом Ковалевым, 1 ноября 2020 г.

¹⁵ Один из псевдонимов отца Вячеслава Ковалева.

¹⁶ По объективным причинам не удалось провести личное интервью с Константином Фамом, который проживает и в России, и за границей, поэтому были использованы его интервью, опубликованные в российских и иностранных СМИ. Прямые цитаты приводятся в кавычках. См.: Режиссер Константин Фам: "У нас нет могил, на которые мы можем прийти... Но у меня есть возможность снимать кино" // <http://www.rewizor.ru/cinema/interviews/rejisser-konstantin-fam-u-nas-net-mogil-na-kotorye-my-mojem-priyti-no-u-menya-est-vozmojnost-snimat/> - 26.06.2018;

Константин Фам о своей маме // <https://mjcc.ru/news/konstantin-fam-o-svoey-mame/>

23 октября 2018; A filmmaker's silent Holocaust tale // <https://www.sandiegouniontribune.com/lifestyle/people/sdut-shoes-costa-fam-2014feb07-htmlstory.html> - 07.02.2014;

Константин Фам о родителях, творчестве, еврейском кинофестивале и короткометражном кино // <https://miami-me.com/2018/08/konstantin-fam-o-roditelyah-tvorchestve-evrejskom-kinofestivale-i-korotkometrazhnom-kino/> - 17.08.2018; Константин Фам о Жуковке и о себе // <https://jcczhukovka.com/konstantin-fam-o-zhukovke-i-sebe> - / - 22.06.2020; Константин Фам: Я видел, как люди меняются, надевая нацистскую форму // <https://novayagazeta.ru/articles/2016/11/25/70672-konstantin-fam-ya-videl-kak-lyudi-menyayutsya-nadevaya-natsistskuyu-formu> - 25.11.2016; Константин Фам: самое главное – быть счастливым // <https://mjcc.ru/news/konstantin-fam-samoe-glavnoe-byit-schastlivyim/> - 03.10.2018 и др.

¹⁷ Тузова А.Ш. Российские семейные вьетнамцы: дилемма «вернуться или остаться»? // Этнографическое обозрение. 2017, № 6. С. 76-92; Тузова А.Ш. Вьетнамцы, выросшие в России: кто мигрирует на родину предков? // Вестник Томского государственного университета. История. 2019, № 59. С. 178-186.

¹⁸ Залитинова С.А., Батирова З.Б. Проблемы семьи и семейных отношений // [https://scienceforum.ru/2014/article/2014003190#:~:text.](https://scienceforum.ru/2014/article/2014003190#:~:text=)